

Автор: Робер Каз (1853–1886)

Название: «Поденщица»

1885 г.

Каждое утро около семи мадемуазель Аделаида Куртуа выходит на улицу Лепик, где она живет уже двадцать пять лет. В любую погоду она смиренно и робко семенит по тротуару, отвечает на приветствие молочницы и увертывается от потоков воды, которые обрушивает на мраморные столы подручный мясника, чтобы немного погодя разложить там куски туш, снабжая их лакированными цинковыми бирками. Давними приятелями здесь кажутся мадемуазель Аделаиде каждая живая душа и вещь. Она знает наизусть, чем торгуют в мебельной лавке. Могла бы перечислить, какие товары выкладывает продавец галантереи и белья: костюмы из голубого тика, стопки белых рубашек в фиолетовую полосу, темно-синие юбки и оксфордские пеньюары. Ближе к бульвару шляпник предлагает со скидкой шапоκληки на розовой атласной подкладке, котелки с узкими полями и цилиндры по прошлогодней моде для изысканных щеголей. А летом на другой стороне улицы у торговки жареным картофелем на сковороде шипит несвежий жир, в клетке над ней дерет горло канарейка и вянет звездчатка.

Мадемуазель Аделаида ничем не выделяется в толпе рабочих и мелких чиновников, спешащих на службу. На старую деву никто не обращает внимания. Но, право, она так мала! И так невыразительна в жалком черном кашемировой платье, шерстяной серо-стальной шали и темной шляпке, украшенной выцветшими васильками.

Да Аделаида и не прогуливается. Торопится к заказчицам, к которым навещается по одной за день. Для этих старушек, своих ровесниц, она шьет уже более четверти века.

Это госпожа Малитурн с авеню Трюден, живущая на ренту; госпожа Гандеруэн, жена разбитого ревматизмом художника, навеки прикованного к креслу перед набросками картин двадцатилетней давности; госпожа Бруншви́г с улицы Бланш, правоверная еврейка; вдова Клере с площади Монсей и еще парочка других.

Привычками, возрастом и даже нравом мадемуазель Аделаида соответствует своим заказчицам как нельзя лучше. Хотя дамы встречают ее без видимого удовольствия, пропусти она лишь день, в их жизни он бы зиял огромной пустотой. И наоборот, когда одна из заказчиц вдруг дает ей отпуск, бедняжка сильно горюет. Например, она чувствует себя совершенно несчастной во время иудейской Пасхи: в праздничные дни шить у госпожи Бруншви́г нельзя, пусть та и продолжает ей платить. Более всего мадемуазель Куртуа тяготит одиночество.

Незаметен ее труд. В прежние времена, лет пятнадцать-двадцать назад, Аделаида владела мастерской. Никто лучше нее не умел повторять наряды, выкроенные известными

портными. Дамы платили всего пятьдесят су в день и, казалось, одевались у Орелли или сестер Керте. Сходство поражало. Притом мадемуазель Куртуа была наделена собственным безупречным вкусом. Стоило ей здесь собрать шелк в складки, там отделать причудливым рюшем, и дам за их восхитительные уборы осыпали в свете комплиментами. Сверх того, ни капельки не высокомерная, мадемуазель Аделаида чинила и подновляла старомодные костюмы. Могла в случае необходимости сшить одежду для ребёнка, переделать отцовский редингот в блузу для сынишки, материнский бурнус – в платье для девочки. Игла, оставив на костлявых искусных пальчиках черные отметины, так и сновала над работой.

Ныне руки мадемуазель Аделаиды покрыты морщинами и трясутся. Пальцам, не таким твердым и проворным, стоит огромных усилий вдеть нитку в игольное ушко. Глаза почти не различают на материи швы. Она состарилась, ее желудок сводит мучительными спазмами. Наконец, мадемуазель Аделаида задремывает над шитьем после еды.

Со временем дамы эти изменения заметили. Но кроме привередливой госпожи Белен, жены помощника начальника в министерстве финансов, никто не отказал мадемуазель Куртуа от места. Раз в неделю им непременно нужно занять себя легкой болтовней, поведать старые секреты, потерявшие новизну и давно ей известные. Они едва ли смотрят на работу. С них довольно поворошить воспоминания, не потерявшие для них свежести, ведь уже столько лет мадемуазель Аделаида – свой человек в доме! И столько же лет она умеет почтительно слушать, знает свое место, не скажет лишнего слова, кстати вздохнет или улыбнется и всякий раз, всегда разделяет мнение «мадам». А какая деликатность! Ни сплетен, ни злословия. Мадемуазель Аделаида не передавала ни одной из заказчиц того, о чем говорили у других.

Однако она посвящена во многие тайны. Скажем, по средам госпожа Бруншвиг распространяется при швее о банкротстве супруга, случившемся в 1856 году.

– Аделаида, вы ведь помните, не так ли?

– Конечно, мадам.

– Да, господин Бруншвиг так глупо ввязался в поставку сукна для армии во время Крымской войны! И вел себя столь неосмотрительно! Один только Бог ведает, как я просила его поостеречься. Что должно было случиться, то и случилось. Полагаю, вы были у нас, когда явился судебный пристав.

– Да, мадам, я ему дверь и открыла.

– Ну вот, без меня господину Бруншвигу грозили бы позор и разорение. Уж и пришлось мне похлопотать! Как и где я только не ходатайствовала! Поймите, у нас же дети.

Мадемуазель Куртуа вздыхает, а госпожа Бруншвиг продолжает хвастаться, что оно одна кончила дело мировой и восстановила честь семьи.

Каждую пятницу у госпожи Гандеруэн играет другой мотив. Чуть ли не во весь голос она сетует швее на параличного художника. Калекой его сделало дурное поведение. Разве впал бы он в такое состояние, коли бы он был степенен, оставался подле жены, а не предавался беспутной жизни? Не снискал ли бы он ту же славу, что и его учитель, Орас Верне? Ах, решительно, мужчины столь неблагоприятны!

У госпожи Малитурн по понедельникам звучит иная песня. Старушка перебирает перед работницей четки мужских имен.

– Аделаида, вы ведь не забыли господина де Байэлиса, не так ли?

– Нет, мадам, это светловолосый офицер, погибший в Китае.

– Именно так. Какое благородство! И, конечно, господина Виньера, милейшего атташе при посольстве, который славно пел «Студента и студентку». И господина Лустале из Тулузы, который ужасно ревновал к добрейшему Реймону де Мартиньи. Ах, какие мужчины, моя дорогая!

Мадемуазель Аделаида соглашается, робко кивая головой.

Так проходит неделя. Все дамы изливают душу на высохшей груди Аделаиды. Все делятся своими горестями. Им безразличны страдания, которые перенесла бедняжка. Только воскресенья мадемуазель Аделаида проводит в одиночестве в своей комнатке на улице Лепик. Целыми днями она сидит у окна, откуда виден уголок Монмартрского кладбища, и не сводит с него глаз. Швея тоскливо размышляет о далекой, нелепо упущенной молодости, о едва начавшейся и не имевшей продолжения истории с подручным бакалейщика из квартала Ла-Шапель, о непристойных предложениях, которые однажды майским вечером 1853 года ей прошептал на ушко лысый господин и которые она отвергла, о похоронах матери, о чтении не напечатанных до конца романов-фельетонов, обо всех разочарованиях пресной трудовой жизни, лишенной прелести и скупой на чувства.